

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читательскому вниманию монография «Идеологическая география» Российской империи: пространство, границы, обитатели» является плодом труда небольшой группы сотрудников и докторантов кафедры русской литературы Тартуского университета, в течение четырех лет работавших над проектом «Идеологическая география» Западных окраин Российской империи в литературе». За это время рабочая группа претерпела существенные изменения. Некоторые участники (Л. Пильд, Р. Лейбов) стали руководителями собственных исследовательских проектов и не смогли полностью сосредоточиться на разработке темы «идеологической географии». Другие (М. Боровикова, И. Булкина, А. Вдовин) успели защитить свои докторские диссертации и перейти в статус научных сотрудников. Им на смену пришли новые докторанты — И. Рудик и Е. Фомина, которые еще пишут свои диссертации. Однако, несмотря на все изменения и трудности, в течение всего периода (2009–2012) продолжалась активная работа, результаты которой собраны в настоящей электронной книге.

Тема, заявленная в заглавии, слишком широка, чтобы ее могла охватить полностью маленькая группа исследователей в течение короткого времени, отпущенного сроками проекта. Тем не менее, в ходе работы был предложен новый фактический материал, в том числе архивный, из области художественной литературы и публицистики, для разработки проблем «идеологической географии», которыми до настоящего времени занимались главным образом историки, политологи и социологи (идеологическое освоение пространства, цивилизаторский дискурс метрополии и виктимизационный дискурс окраин, национально-культурные стереотипы и др.).

Сам концепт «идеологической географии» авторы монографии понимают достаточно широко и разносторонне. Идеологизация пространства (т. е. трансформация его описания под влиянием идеологии) неизбежно связана с национальными и

государственными мифами, с официальной и оппозиционной идеологией каждого периода. В имперскую эпоху, которая является объектом настоящего исследования, пространственные мифы (толкование таких понятий, как метрополия, окраина, «свое» и «чужое» пространства, граница, пограничье, Запад и Восток и т. п.) зависят от имперской национальной политики и трактовки самого понятия империи. Это делает невозможным разделение описаний пространства и его обитателей, т. е. населяющих его народов. Таким образом, в понятие «идеологической географии» будут включены и стереотипы, связанные с образом того или иного народа в восприятии и интерпретации его ближних или дальних соседей. Филологический подход позволил рассмотреть традиционные идеологические концепты, возникающие в общественном сознании под воздействием историко-политических обстоятельств, философских влияний и т. п., как мифологемы, создаваемые литературой и рефлектируемые ею.

Исследование дискурса западных окраин Российской империи (в первую очередь, это Эстония и другие остзейские провинции, Малороссия, Царство Польское, Великое княжество Финляндское) и стереотипов восприятия населяющих их народов (эстонцы, латыши, поляки, украинцы, евреи, русские) осуществлялось на материале, в основном, русской художественной литературы и публицистики XIX – начала XX вв. Однако привлекалась также эстонская, польская, украинская и финская литературы. Авторы стремились выявить и описать риторические ресурсы и дискурсивные стратегии, применяемые писателями и публицистами при идеологическом конструировании культурного пространства.

В **первой главе** «Империя как пространство для национального строительства — *contradictio in adjecto*? Конструирующая роль литературы» рассматриваются различные проекты, а также дискурсивные стратегии власти и ее союзников и оппонентов в попытке примирить, по сути, непримиримые концепты («имперское» и «национальное»).

По мере расширения Российская империя становилась все более многонациональной, а культурное развитие отдельных

наций влекло за собой стремление к национальной автономии и, в конечном итоге, сепаратизм. Анализ сборника «Эсты и латыши, их история и быт» (1916) демонстрирует, как лидеры национальных меньшинств и их союзники стремились с помощью издания воздействовать на правительство и общество России с тем, чтобы доказать успешность и зрелость своих народов. Их целью было освобождение от диктата остзейских немцев и проведение реформ в Прибалтийском крае (а в конечном итоге, конечно, независимость). Другое издание той же эпохи — «Отечество. Пути и достижения национальных литератур России. Национальный вопрос», доказывавшее губительность российской политики и одновременно возможность перестройки многонациональной империи на демократических основах. Либеральные кадетские идеологи использовали для пропаганды своих идей антологию финской, эстонской, латышской, литовской, украинской, еврейской, польской и грузинской литератур. С ними конкурировал проект горьковского издательства «Парус» по подготовке целой серии антологий национальных литератур. Однако обоим проектом не суждено было воплотиться до конца, т. к. империя распалась, исчерпав свой потенциал и в очередной раз продемонстрировав, что национальное и имперское строительства — это *contradictio in adjecto*.

Не менее выразителен пример из украинской истории. Анализ политики Николая I по культурно-политическому «присвоению» Украины и подавлению польского влияния в регионе показывает, как в проекте возрождения Киева в качестве «исконно-русского» религиозного и культурного центра используется «идеологическая география». В сознании имперских идеологов работали категории Киевской Руси и ее исконной принадлежности российскому пространству, но такая трактовка пространства сталкивалась с польской идеей собственной утраченной окраины (Kresy Wschodnie).

Следующий пример имперской политики на национальных окраинах взят из истории Великого Княжества Финляндского. На этом материале прослеживается, как эволюционировали стратегии формирования российского общественного мнения

в отношении национальных меньшинств (финнов и карел). Описана парадоксальная, на первый взгляд, ситуация, когда идея благополучной интеграции новых подданных в имперское тело (первая половина XIX в.) сменяется эскалацией «конфликтной» стратегии. Ее цель — оправдать репрессивную политику власти по отношению к финнам в конце XIX в.

Анализ правительственного проекта «литературной» экспедиции в Поволжье в 1850-е гг. демонстрирует возросшее внимание власти к литературе и попытки использовать ее влияние на общество.

Вторая глава «Идеологизация пограничного пространства в русской литературе и публицистике XIX в.» посвящена «идеологической географии» трех регионов — Польше, Украине и балтийским землям (Остзейскому краю, в терминологии исследуемой эпохи). Материалом главы послужила, в основном, русская поэзия (А. С. Хомяков, П. А. Вяземский, Н. М. Языков, Ф. И. Тютчев и др.), однако подключены и жанр путешествия, и мемуары, и народные легенды и их литературные обработки, и публицистика. Ключевой здесь остается проблема «Россия — Европа», восприятие польской и остзейских провинций либо как «своей» Европы, противопоставленной самодержавному и деспотическому центру, либо как «бунтующей окраины», иногда с подключением утопических проектов «всеславянского примирения». Однако «идеологизация» пространства порой приводит и к ксенофобским высказываниям или к уничижительным трактовкам «своей»/«чужой» территории.

Третья глава «Национальные стереотипы и их отражение в русской литературе» обширна и разнообразна по материалу и по характеру поднятых в ней проблем. Процесс стереотипизации национальных характеров анализируется в его динамике и в широком литературном, публицистическом, философском и политическом контекстах. Так, образы финнов рассмотрены на примере драматической трилогии А. А. Шаховского «Фин» (1824), где финская мифология хотя и смешивается с балтийской (как показала тщательная работа по выявлению источников), но образ сильного, мужественного, чувствитель-

ного финна вполне согласуется с романтической трактовкой этноса. Анализ сочинений Батюшкова, Баратынского, воспоминаний Д. Давыдова, Ф. Булгарина, повести и трагедии Н. Кукольника и др. сочинений свидетельствует об устойчивости этого положительного образа (верноподданного) финна в русской словесности. Литература создает представление о мирной интеграции завоеванной окраины в империю, что, как показано на основе многочисленных фактов, не соответствовало исторической действительности.

Большая часть третьей главы посвящена трактовке немецкого характера. На материале творчества И. С. Тургенева, уделившего немцам исключительное внимание, показаны взаимосвязи трактовок немецкого и русского характеров и связь их обеих с русским национальным мифотворчеством 1840–1870-х гг. Важным вкладом является анализ функции и прагматики включения инациональных персонажей в поэтику конкретных произведений. Под пером Герцена «немецкость» превращается в интерпретационную метафору, семантическое наполнение которой меняется на протяжении его творчества. Анализ употребления этой негативной метафоры у Герцена приводит к выводу, что ее интенсивное использование связано не только со сложившимися в русской культуре стереотипами, но и с символизацией Герценом собственного биографического опыта.

Русский характер существует в литературе всегда в соотношении с «другими», поэтому анализ инациональных образов в русской литературе приобретает существенное значение для создания портрета собственной нации. Понятие «русский» в разные эпохи также трактовалось по-разному. В XIX в. господствовала официальная концепция «единой русской народности», которая включала русских, украинцев и белорусов. В этой связи важна трактовка малороссов как самостоятельного характера под пером Тургенева и других русских писателей, проанализированная в третьей главе монографии.

Польская тема — одна из самых травматичных для русского общественного сознания и для русской литературы (исторические воспоминания времен Смуты, разделы Польши,

польские восстания 1792, 1830–31 и 1863 гг. и др.). Польский характер и польский миф в русской трактовке рассмотрен в книге на материале творчества М. Цветаевой, которая взаимодействовала с уже сложившейся в русской культуре традицией. Цветаева гордилась своей «польской кровью», конструировала и образ поэта, и своих поэтических двойников (Марина Мнишек), исходя из этой мифологии. «Иноземные» черты Цветаева отмечала также у своих современников, в частности, у А. Ахматовой, подчеркивая ее восточные корни и противопоставляя им свое польское происхождение. В контексте цветаевского польского мифа рассматривается и еврейская тема в ее творчестве, которая вводится как метафора «отверженности» поэта.

Особый сюжет главы связан с рассмотрением генезиса фамилии главного героя комедии Грибоедова «Горе от ума», возможно, восходящей к фамилии реального исторического лица — энтузиаста и польского патриота гр. Т. Чацкого. Однако этот сюжет важен не только сам по себе, но и как свидетельство об исключительной осведомленности русского общества о польских делах и о знакомстве с ситуацией в юго-западных провинциях империи изнутри.

Данный в предисловии краткий обзор затронутых в книге тем, проблем, сюжетов и авторов, конечно, не исчерпывает ее содержания, как книга в целом не исчерпывает заявленной в заглавии темы. Русская литература XIX – начала XX вв. активно участвовала как в имперском, так и в национальном строительстве, она дает богатейший материал, который еще далеко не исчерпан ни в фактическом, ни в интерпретационном отношении. «Идеологическая география» западных регионов и, тем более, всей Российской империи — это тема на многие десятилетия кропотливого труда. Ее интерпретация требует изошренного исследовательского инструментария и тонких методик анализа. Настоящая книга — это лишь первый шаг, хотя и она уже создает некоторую целостную картину и способна вдохновить на дальнейшее изучение предмета.